

К.С.Стригунов

Преступные организации как субъекты неклассических войн и угроза государственному суверенитету Мексики

В неклассических войнах военно-политические цели достигаются без использования вооруженных сил или при их ограниченном применении. Криминальные мятежи являются формой неклассических войн, в которых преступные организации становятся основными субъектами наравне с государствами. Ситуация, возникшая в Мексике, является примером криминального мятежа. Фрагментация и «сетевизация» преступных организаций способствует их эволюции, что представляет угрозу национальной безопасности Мексики.

Ключевые слова: преступность, неклассические войны, криминальный мятеж, Мексика, наркокартели, банды.

DOI: 10.31857/S0044748X24020025

Статья поступила в редакцию 20.07.2023.

НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ В ФОРМЕ КРИМИНАЛЬНЫХ МЯТЕЖЕЙ

В последние десятилетия в ходе интенсивных преобразований в системе международных отношений акторы стали применять в вооруженных конфликтах новые средства, методы и технологии. Основная ставка делается не на прямую военную силу, под которой понимается масштабное применение вооруженных сил, а на такие средства, как информационные операции, кибератаки, экономические санкции, использование неправительственных и некоммерческих организаций (НПО, НКО), терроризм, диверсии и сетевые группы — неинтервенционные элементы насильственного контроля. Вооруженные конфликты, в которых основным инструментом достижения военных целей являются неинтервенционные элементы насильственного контроля, это — неклассические войны [1]. Особое вни-

Константин Сергеевич Стригунов — кандидат политических наук, ведущий аналитик Ассоциации специалистов по информационным операциям (РФ, 124617, г. Москва, г. Зеленоград, корп. 1425, кв. 109, sks6891@gmail.com, ORCID 0000-0001-6202-7493).

мание в неклассических войнах уделяется использованию сетевых групп в целях объединения и организации большого количества людей — будь то протестные движения или нерегулярные военизированные формирования. Примером использования протестных движений, сформированных в социальных сетях, являются различные «цветные революции», осуществленные от Сербии до Боливии [2; 3]. Одни из образцов применения организованных благодаря социальным сетям нерегулярных военизированных формирований — войны в Ливии (главным образом до интервенции НАТО в марте 2011 г.) и особенно в Сирии [4]. Такие вооруженные конфликты относятся к гибридным войнам — формам неклассических войн, где основным неинтервенциональным элементом насильственного контроля являются организованные по сетевому принципу нерегулярные военизированные формирования. Отметим, что во всех этих случаях за организацией сетевых групп стоят государства и их ведомства, порой действующие совместно с негосударственными акторами.

Теоретико-методологическая часть работы основана на идее сетевой организации негосударственных акторов, разработанной испанским социологом М.Кастельсом [5], а также на концепции, согласно которой в ряде регионов мира негосударственные акторы в ходе своей эволюции достигают все более высоких организационных уровней [6; 7]. Речь идет о новых поколениях преступных организаций (ПО), которые в данной статье относятся к негосударственным насильственным акторам (НГНА). В первую очередь это — ПО типа наркокартелей, распространенных в странах Западного полушария, в частности, в Латинской Америке. Наркокартели являются одной из основных форм ПО, способных противостоять государству, что проявилось в Мексике [8]. Будучи очень хорошо организованными, эти НГНА в состоянии бросить вызов государственным институтам вплоть до формирования параллельных или альтернативных зон, где оспаривается монополия государства на применение насилия, т.е. осуществляется его вытеснение. Для усиления своего территориального и экономического контроля НГНА применяют хищнические средства [9]. Для описания противостояния таких НГНА и государства мы используем подход авторов, которые описывают данное явление как «криминальный мятеж» [8; 10; 11] (также «неполитический мятеж» [12]). Криминальный мятеж — это механизм конфронтации с государством, возникающий тогда, когда отношения между организованной преступностью и государством выходят из равновесия. Вместе с тем криминальный мятеж представляет собой вызов государствам и сообществам [13]. Когда дело доходит до организованной преступности, правительству «противостоит особый вид (негосударственного субъекта — *К.С.*), не стремящийся к захвату власти и ее осуществлению, а влияющий на политику и государственные структуры» [12]. Криминальный мятеж отличается от обычных форм терроризма и мятежей тем, что единственным политическим мотивом криминальных повстанцев является получение автономии и экономического контроля над территорией. Они делают это, опустошая государство и создавая криминальные анклавы, чтобы обеспечить свободу маневра [10].

Цель данной работы — выявить факторы, способствующие криминальному мятежу в Мексике. Для ее достижения, помимо общенаучных мето-

дов, используются сравнительный подход, с помощью которого было выявлено сходство криминального мятежа с участием мексиканских ПО и других форм неклассических войн, а также системный подход, позволивший рассмотреть мексиканские ПО как открытые системы, подверженные внешним воздействиям, прежде всего со стороны государства. Концепцию криминального мятежа мы развили и расширили, рассмотрев его в качестве формы неклассических войн, в которых НГНА являются ключевыми субъектами наравне с государствами. В исследовании анализируются источники и общедоступная информация, например, официальные документы государственных ведомств Мексики и международных организаций, в частности, Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), а также НПО Международной кризисной группы (*International Crisis Group, ICG*). Кроме того, задействованы и такие вторичные источники, как СМИ. Информация была проанализирована и сопоставлена с концепциями, использованными в работе. Проведен анализ проблемы криминального мятежа в Мексике как формы неклассических войн и влияния, которое он оказывает на государственный суверенитет страны.

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МЕКСИКИ И ПОДКОНТРОЛЬНЫЕ ИМ ТЕРРИТОРИИ

Глобализация и горизонтальная диверсификация незаконных сетей после окончания холодной войны привела к экспансии ПО вплоть до транснационального уровня. Такие транснациональные преступные организации (ТПО) действуют за пределами своих традиционных границ. Они быстро находят новые возможности и распространяются на новые регионы, где ответные действия не представляют реальной угрозы для ТПО. Взаимодействующие сети формируют союзы там, где раньше их элементы действовали по отдельности. Сегодня основные ТПО стали глобальными, действуя не только в Латинской Америке, но и в США, Юго-Восточной Европе, Западной Африке и Юго-Восточной Азии, интегрируясь внутри и между сетями во всех регионах мира, генерируя высокий уровень криминального насилия, хотя в Латинской Америке этот уровень даже выше, чем на Ближнем и Среднем Востоке и странах Африки к югу от Сахары [14, с. 141]. Отметим, что незаконная деятельность, например, торговля наркотиками, оружием, контрабанда и торговля людьми, не является чем-то новым, однако скорость, масштабы и связанное с ней насилие в результате глобализации сделали эти транснациональные преступления проблемой и национальной, и международной безопасности [6, p. 244].

Особое место здесь занимают наркокартели, активно действующие в странах Латинской Америки, в том числе в Мексике, где они прошли длительный эволюционный путь, превращаясь в квазигосударственные субъекты со своими армиями, полицией, разведкой и даже пенитенциарной системой [15]. В современных исследованиях авторы выделяют фазы эволюции наркокартелей. Так, американские специалисты в области международной безопасности Р.Банкер и Дж.Салливан еще в 1998 г. отмечали три фазы развития наркокартелей [7]. Наркокартели первой фазы появились в Колумбии в 1980-х годах как ответ на возрастающий спрос на кокаин в США. Эти наркокартели (медельинская модель) извлекали прибыль в мас-

штабах, недоступных индивидуальным предпринимателям, производившим кокаин в середине 1970-х годов. Данный наркокартель стал агрессивным конкурентом государства из-за своей склонности к крайнему насилию, бескомпромиссности и готовности открыто бросить вызов государственной власти. Модель медельинского картеля являлась иерархической, она фактически замыкалась на его главаря Пабло Эскобара, и, по сути, была вертикально-интегрированной организацией.

Вторая фаза формирования наркокартелей также сначала развивалась в Колумбии, но в городе Кали. В отличие от своего медельинского аналога группа Кали (или Картель Кали), возникшая в начале 1980-х годов, была теневой организацией, в которой не было лидера. Форма организации данного наркокартеля была, скорее, сетевой, а не традиционно иерархической. Многие из его характеристик и видов деятельности были скрыты и рассредоточены, что обеспечило ряд оперативных возможностей, которыми не обладали наркокартели, относящиеся к первой фазе, т.е. Картель Кали делал ставку на полную анонимность. Это согласуется с анализом, сделанным в докладе УНП ООН за 2017 г. Эксперты отметили, что «после подавления деятельности организованных преступных групп в различных районах мира в 1990-х годах ... возникли новые группы с более диверсифицированной структурой преступной деятельности» [16].

Гипотетические наркокартели третьей фазы, если и когда они возникнут, могут стать еще более серьезной проблемой для национальных государств. Третья фаза стала бы результатом непрекращающейся коррупции и кооптации государственных институтов. Такая организация бросит вызов нынешним институтам и, по крайней мере, в течение переходного периода будет использовать коррупцию, сотрудничество, терроризм и преступность в своих целях. Дж.Салливан отмечал, что криминальный мятеж в Мексике может стать предвестником появления наркокартеля третьей фазы, поскольку мексиканские наркокартели борются и между собой, и с государством [17].

Следует подчеркнуть, что происходит активное развитие не только наркокартелей, но и банд (*maras*). Так, по мнению Р.Банкера и Дж.Салливана [8] и согласно эволюционной модели, выстроенной А.Бустаманте [13], выделяются три поколения банд, а ключевым показателем их эволюции является интернационализация [18, pp. 99-126]. Банды первого поколения — традиционные уличные банды с ориентацией на сферу влияния, которую контролируют и защищают в пределах нескольких кварталов. Члены этих бандитских группировок не ставят перед собой политических целей, их действия не особенно изоцированные.

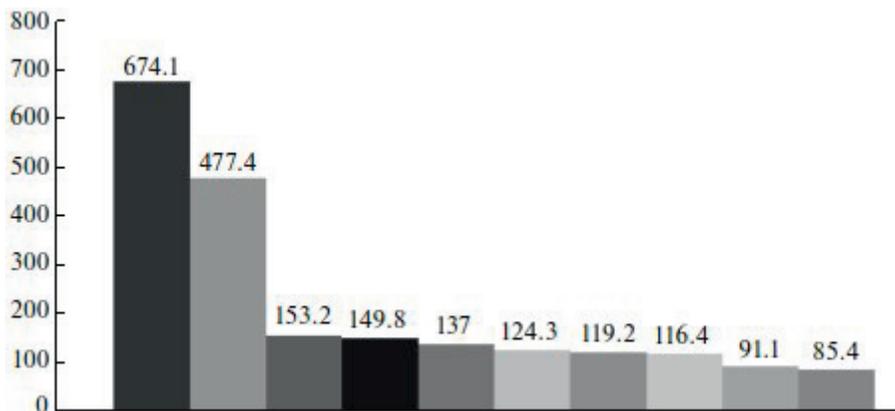
Банды второго поколения занимаются бизнесом, а насилие используют для защиты от конкурентов. Эти банды действуют на довольно больших территориях (несколько штатов, трансграничные области); их члены склонны к централизованному лидерству и изоцированным операциям по защите рынка. Банды третьего поколения (например, *Mara Salvatrucha*, *MS-13*) преследуют политические цели. Они действуют на глобальном уровне, ориентируясь на получение власти, финансовые приобретения и участие в деятельности наемнического типа. На сегодняшний день члены большинства банд третьего поколения в основном являются наемниками. В некоторых случаях банды третьего поколения стремятся продвигать собственные политические и социальные цели.

В Мексике наблюдается взаимодействие наркокартелей и банд, образующих специфические и чрезвычайно опасные преступные альянсы, в которых высокоразвитые банды предоставляют наркокартелям свои возможности, особенно своих участников в качестве наемников [19]. Как отмечают исследователи из Автономного университета Столичного региона (Мехико) Т.Сантьяго и К.Иллалес, даже если вооруженные группы «не могут получить полную власть, они все же достигают господства над значительными территориями» [20]. Способность оспаривать территориальное господство государства указывает на политические цели наркокартелей и других НГНА, даже если они не озвучивались, поскольку речь идет о фактической сецессии из состава государства [21, сс. 110-111], а также на возможность бросить вызов его легитимности. Примерами таких зон беззакония (*lawless zones*) и параллельного суверенитета являются, в частности, районы мексиканских городов Тихуана, Сьюдад-Хуарес и Нуэво-Ларедо, где особенно активны группы, отколовшиеся от наркокартеля *Los Zeta: Grupo Bravo, Zetas Vieja Escuela*, и противостоящая им группа *Cartel del Noroeste*.

Ситуация примечательна тем, что описанные выше процессы происходят не в несостоявшемся государстве, которое так и не стало таковым в полном смысле этого слова, как, например, ряд стран Африки, в частности, Гвинея-Биссау или Центральноафриканская Республика. Напротив, речь идет о деградации ситуации в относительно развитом государстве. По официальной информации, например, от А.Ромо — главы администрации президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (2018 — н/в) — на целых 40% территории Мексики царит насилие, и обстановка там фактически никогда не бывает стабильной [22]. По данным бывшего главы Центра исследований и национальной безопасности (*Centro de Investigación y Seguridad Nacional, CISEN*) Х.Каррильо Олеа, половина территории страны не контролируется государством и фактически находится «в руках наркоторговцев» [23]. По другим данным, в 2015 г. свыше 75% мексиканских городов [24] были под влиянием организованной преступности, существовало 980 зон беззакония (или криминальных анклавов), где действия наркогруппировок не встречали серьезного сопротивления со стороны государства.

Важными источниками сведений о территориальном контроле ПО в Мексике являются данные министерства обороны, министерства безопасности и защиты граждан, а также министерства военно-морского флота [25], в том числе отчеты и документы, добытые активистами из группы *Guacamaya*. Факт этой крупнейшей в истории Мексики утечки (о ней стало известно в сентябре 2022 г.) подтвердил лично А.Лопес Обрадор [26]. Часть указанных документов, относящихся к *Sedena*, есть в открытом доступе [27], однако гораздо большая часть файлов доступна только журналистам. Кроме того, часть документов и сведений из утечки получили, а затем обнародовали некоторые мексиканские консалтинговые фирмы (например, *AC Consultores* [28]). Интерес представляют и отчеты Исполнительного секретариата Национальной системы общественной безопасности (*Secretariado Ejecutivo del Sistema Nacional de Seguridad Pública, SESNSP*) [29]. На основе этих данных на рисунке 1 отображены площади территорий, на которых действуют крупнейшие наркокартели в Мексике.

Рис. 1. ПЛОЩАДЬ ТЕРРИТОРИЙ, ГДЕ ДЕЙСТВУЮТ КРУПНЕЙШИЕ НАРКОКАРТЕЛИ МЕКСИКИ (по состоянию на 2022 г., в тыс. км²)

В порядке убывания: *Cártel de Sinaloa*, *Cártel de Jalisco Nueva Generación (CJNG)*, *Cártel de Juárez*, *Los Zetas*, *Los Salazar*, *El Cártel del Noreste*, *Cártel del Golfo*, *La Línea*, *Los Chapitos*, *Pura Gente Nueva – Zetas Vieja Escuela*.

Источник: составлено автором по: *Sedena*, *SSPC* и *Semar* [25; 27], *AC Consultores* [28], *SESNSP* [29].

Из данных источников следует, что общая площадь территории, где той или иной степени присутствуют ПО, составляет 1,59 млн км², или 81% территории Мексики, на которой проживают 108 млн человек из 129,1 млн от общей численности населения страны. Это указывает на беспрецедентный уровень развития преступности, являющейся фундаментальной угрозой национальной безопасности.

РАСПАД И «СЕТЕВИЗАЦИЯ» ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МЕКСИКЕ

Особенности НГНА, прежде всего наркокартелей, вызывают вопрос о том, что именно приводит к столь быстрому распространению их влияния, вплоть до превращения в угрозу государственному суверенитету. Было бы неверным полагать, будто столь интенсивная эволюция НГНА могла происходить без участия самого государства; отчасти это связано с характером борьбы государства с НГНА. Так, некоторые исследователи отмечают, что «меж- и внутрикартельные ссоры, как правило, происходят сразу после устранения лидера в муниципалитете и после нейтрализации лидера или «лейтенанта» (*teniente*, «лейтенанты» занимают второй уровень в иерархии наркокартелей. — К.С.) в соседних стратегических муниципалитетах. Такие нарушения существовавшего ранее порядка сопровождаются последующим (и относительно медленным) ухудшением функционирования цепочек командования внутри картелей. Местные криминальные ячейки фактически перестают подчиняться лидерам наркокартеля и вполне могут самостоятельно принять решение об активизации преступной деятельности в

отношении мирного населения» [30]. Исследователи называют это «эффектом гидры», который приводит к росту наркопроизводства и усилению вражды между группировками.

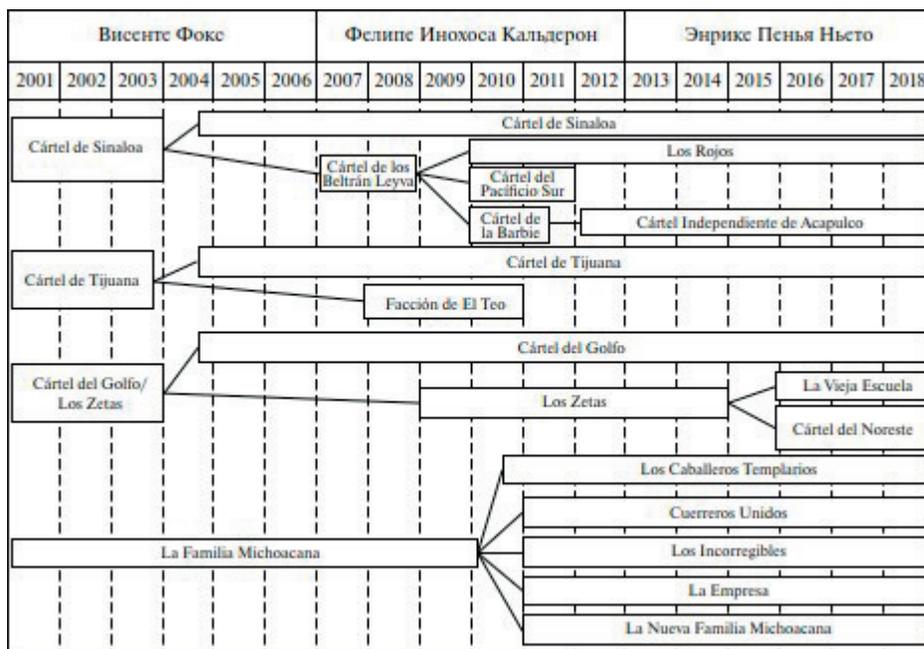
Особенность «эффекта гидры» состоит в том, что ликвидация или арест главарей преступных группировок ведет к их фрагментации. Вследствие этого возникает противоборство между расколовшимися частями наркокартелей, которые начинают враждовать и между собой, и с государством. Согласно данным *Mexico Peace Index*, до 2006 г. существовало всего три крупных картеля — *Cartel de Sinaloa*, *Cartel de Tijuana* и *Cartel del Golfo*. Но уже в течение следующих 14 лет, которые пришлось на объявленную в 2006 г. Фелипе Кальдероном (2006—2012 гг.) войну с наркокартелями, появилось 42 преступные организации, к которым относятся отколовшиеся от крупных наркокартелей фракции и новые структуры [31]. Процесс фрагментации сопровождался переделом территории и собственности между картелями [32, с. 208]. Оценивая действия мексиканского руководства, исследователь незаконного оборота наркотиков и насилия Х.А.Васкес Вальдес из Автономного университета Сакатекаса отмечает, что «картельные меры, направленные на противодействие ТПС (транснациональным преступным сетям. — К.С.), как если бы они были организованы пирамидальным образом, неадекватны и применялись правительством для того, чтобы оно могло похвастаться результатами, в частности, арестами крупных боссов; поэтому подобные меры краткосрочны и практически не влияют на деятельность ТПС» [33]. Этот вывод согласуется с позициями других исследователей, согласно которым «предпринятое Ф. Кальдероном наступление на позиции организованной преступности не было хорошо подготовлено, не учитывало масштабов проникновения наркобизнеса в социальную ткань общества, и, главное, власти не предвидели многосторонний характер начатой ими войны» [34, с. 155].

На рисунке 2 показана фрагментация ряда наркокартелей на основе данных из различных источников, включая *Sedena* [25], Упсальскую программу сбора данных о конфликтах (*Uppsala Conflict Data Program, UCDP*) [35], *ICG* [36]. Использовались также сведения из работ Э.Герреро-Гутьерреса, О.Веласко и И.Переса [37; 38; 39]. Именно на период так называемой нарковойны, начатой во времена администрации Кальдерона, пришла активная фаза распада наркокартелей. При Энрике Пенье Ньето (2012—2018 гг.) данная тенденция продолжала развиваться.

Примечательно, что резкий рост смертности пришелся именно на период начала активного противодействия наркокартелям с использованием военных (с 2007 г.), что показано на рисунке 3, отображающем количество насильственных смертей в год (по данным *Sedena*, *SSPC* и *Semar*) [25] за период 2001—2022 гг.

Эскалация насилия привела к тому, что в Мексике с 2017 г. ежегодно гибнет свыше 30 тыс. человек [40]. Согласно использованному нами методу расчета [21, с. 45], не все из этих случаев являются следствием нарковойны. Однако порядка двух третей насильственных смертей произошли именно из-за нарковойны, что превосходит гибель комбатантов и некомбатантов в Сирии, Ираке или Афганистане за тот же период [21, с. 46]. Подсчет был основан, в том числе, и на данных из отчета *SESNSP* [41]. Оценка согласуется с результатами исследования [31] и заявлением А.Лопеса Обрадора [42].

Рис. 2. РАСПАД НЕКОТОРЫХ НАРКОКАРТЕЛЕЙ В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИЙ ВИСЕНТЕ ФОКСА КЕСАДЫ (2000—2006), ФЕЛИПЕ КАЛЬДЕРОНА И ЭНРИКЕ ПЕНЬЯ НЬЕТО

Источник: составлено автором по: *Sedena, SSPC и Semar* [25], *UCDP* [35], *ICG* [36], [37], [38], [39].

Таким образом, значительный рост показателей гибели населения, в том числе участников ПО, пришелся именно на период активной дезинтеграции наркокартелей вследствие начатой администрацией Кальдерона военно-силовой операции против этих ПО, похожей на политику «*mano dura*» («твердая рука») в Сальвадоре и Гватемале [43]. Данная стратегия соответствовала «секьюритизации», когда наркопроизводство и наркоторговля, а также ПО рассматривались руководством Мексики как угроза национальной безопасности [44, pp. 55-57]. Этому способствовала Инициатива Мериды [45], запущенная США в 2007 г., предусматривавшая значительное увеличение средств, выделяемых на усилия Мексики по борьбе с наркотиками. Так, американское правительство увеличило финансирование примерно с 57 млн долл. в период 2000—2006 гг. до 400 млн долл. в 2008 финансовом году [46]. В 2009 г. Вашингтон выделил уже 420 млн долл. на финансирование инициативы Мериды в Мексике [46, p. 8], т.е. по сравнению с началом нулевых годов, даже с учетом инфляции, финансирование на борьбу с наркокартелями выросло в десятки (!) раз, хотя при администрации Дж.Байдена оно снизилось в 2021 и 2022 гг. до 158,9 млн долл. и 116,5 млн долл. соответственно [47].

Рис. 3

Источник: составлено автором по: *Sedena*, *SSPC* и *Semar* [25].

Распад ПО коренным образом преобразует оперативную среду, в которой действуют эти НГНА и государственные ведомства. Важно отметить, что в мирное время военные принимают участие в учениях и проходят регулярные тренировки, которые никогда не заменят реальные боевые действия, сколь угодно тяжелыми и приближенными к боевым условиям они ни были. Реальный боевой опыт и отработка управления войсками в ходе боевых действий незаменимы. В этой связи важно выделить тот факт, что мексиканские наркокартели, в том числе активно взаимодействующие с бандами, например, *MS-13*, *M-18* или *Barrio Azteca* [48; 49], практически непрерывно противостоят друг другу и силовым ведомствам по всей Мексике, которая фактически превращается в полигон, где происходит ожесточенное противостояние.

Ситуация еще больше усугубилась с появлением в 2018 г. *SSPC*, когда была упразднена Федеральная полиция (*Policía Federal, PF*), и были заложены институциональные основы для создания новых сил безопасности, получивших название Национальная гвардия (*Guardia Nacional, GN**). Однако в ней именно военные составили основу нового корпуса безопасности [50; 51]. Только члены *Sedena* и *Semar* могут занимать командные должности, а немногие гражданские лица в *NG* были переведены на второстепенные должности. Использование вооруженных сил в Мексике для поддержания безопасности — это следствие очень сложной децентрализованной и многоуровневой правоохранительной системы страны, а также высокого уровня коррупции в полиции [52]. Итогом указанных факторов стал запуск активной милитаризации спецслужб и правоохранительных органов в целом, что привело к появлению военной специфики в противодействии ПО. В результате мексиканское политическое руководство противодействовало ПО как иррегулярным силам, используя военные методы и средства. Как

* *SSPC* подчиняется Национальная гвардия, а также Национальный разведывательный центр (*Centro Nacional de Inteligencia, CNI*).

отмечает доктор политических и социальных наук К.А.Флорес Перес из Национального автономного университета Мексики (*Universidad Nacional Autónoma de México, UNAM*), тот факт, что мексиканское руководство использовало для борьбы с наркотиками «элементы, предназначенные для ведения нетрадиционной войны, в качестве правительственной политики общественной безопасности было не только неэффективным, но и контрпродуктивным, поскольку все это только усиливало то явление, которое нужно было сдерживать» [53, p. 92]. Исследователь указывает на то, что это облегчало техническую передачу специальных военных знаний вооруженной преступности, в результате чего «подобная политика во многом привела к росту военизированной организованной преступности в Мексике». Массированная финансовая помощь со стороны США в виде Инициативы Мериды также повлекла за собой увеличения числа преступлений, поскольку милитаризированные службы правопорядка получили дополнительный мощный финансовый ресурс. Вследствие такого подхода некоторые регионы Мексики, особенно граничащие с США, превратилась в зоны боевых действий.

Распад наркокартелей и их дестабилизация особенно заметны на примере крупнейших из них. Так, с момента последнего тюремного заключения экс-лидера *Cártel de Sinaloa* Хоакина Гусмана Лозера (*El Chapo*, в 2017 г. был арестован и экстрадирован в США, где через два года его приговорили к пожизненному заключению), сам наркокартель распался на несколько структур, одну из которых возглавляет Исмаэль Марио Замбада Гарсия (*El Mayo*), другую — брат *El Chapo* Аурелио Гусман Лозера (*El Guano*), еще одну — четыре сына *El Chapo*, известных под общим прозвищем *Los Chapitos* [54, pp. 24-26].

Фрагментация наркокартеля *Los Zetas* произошла вследствие ликвидации одного из лидеров этой ПО Эриберто Ласкано (псевдоним *El Lazca*) в 2012 г. в перестрелке в штате Коауила. Следующим ударом по наркокартелю стал захват Мигеля Анхеля Тревиньо Моралеса (псевдоним *Z-40*) в 2013 г. [54, p. 28]. Одной из причин распада наркокартеля *La Familia Michoacana* стала ликвидация его лидера Назарио Морено Гонсалеса (*El Más Loco*) в 2014 г. в г. Тумбискадио [38].

Cártel de los Beltrán Leyva перестал существовать после ликвидации его лидера Артуро Бельтрана Лейвы в 2009 г., за которым последовал арест его брата Карлоса. В 2010 г., когда картель распался, их брат Эктор Бельтран Лейва взял остатки *Cártel de los Beltrán Leyva* и переименовал ее в *Cártel del Pacífico Sur*. Другой высокопоставленный участник *Cártel de los Beltrán Leyva*, Эдгар Вальдес Вильярреал (*La Barbie*), возглавил лояльную ему фракцию и сформировал *Cártel Independiente de Acapulco*, которым он руководил до ареста в 2010 г. [54, pp. 30-31]. Распад этих и многих других ПО пришелся на начатую властями в 2007 г. нарковойну.

Итогом описанной выше дезинтеграции стала мутации ПО, которые все время находятся в условиях экстремальной конкуренции и противостояния. Подобные условия формируют определенную мотивацию к усложнению организационной структуры наркокартелей и совершенствованию их тактики. Распад наркокартелей, произошедший вследствие устранения или ареста их лидеров, создает предпосылки для адаптации ПО и мощный импульс для инноваций, например, в выборе средств и методов, применяемых тем или иным наркокартелем в борьбе с противниками. Это согласуется с

выводами экспертов из Агуаскальентеса, исследовавших союзы и фрагментацию ПО [55], и работой доктора социологии Артуро Альварано Мендоса из Мексиканского колледжа [56], который изучал внутренние конфликты на примере организации *La Unión*. Оценки рисков, связанных с распадом ПО и постоянной борьбой за территории, были отражены в работе Борха Васкеса [57].

Важным следствием распада наркокартелей является «сетевизация» этих преступных организаций и их новых альянсов, имеющих децентрализованную форму организации, что позволяет им эффективнее противостоять государству. Отметим, что сети играют ключевую роль в ряде форм неклассических войн [1; 21]. Однако, если в неклассических войнах, в которых участвуют, главным образом, государства, речь идет о создании сетевых протестных групп [58] или же о применении криминальных элементов, экстремистов и террористов в виде иррегулярных формирований, как это было в Сирии [4; 59], то в Мексике неклассическая война организуется НГНА в форме криминальных мятежей.

Особенность альянсов ПО и их сетей состоит в том, что они образуются даже без всякого внешнего воздействия по отношению к государству, на территории которого возникают. Для сравнения: «цветные революции», рассматриваемые в данной работе в качестве технологий демонтажа политических режимов [60] и форм неклассических войн, ключевым элементом которых являются протестные движения, организованные с помощью социальных сетей, осуществляются иностранными акторами с участием местных структур (части госаппарата, олигархов или оппозиции). В гибридных войнах ставка делается на террористов, криминал и наемников, которых государственные акторы формируют в сетевые группы. В обоих случаях эти группы становятся инструментом достижения военно-политических целей государств. Если речь идет о ПО и их альянсах в криминальном мятеже, то так называемые сетевые организации могут формироваться без иностранного участия, являясь субъектами, преобразующими свою организацию самостоятельно или под воздействием государства, осуществляющими захват или кооптированную реконфигурацию государства [61]. Под этим понимаются, соответственно, захват преступниками ключевых политических функций на национальном уровне (политиков, судей, полиции и др.) и систематическое изменение системы управления в интересах ПО [62]. Фрагментацию следует рассматривать как одну из важнейших причин «сетевизации» наркокартелей, банд и их альянсов.

Переход к горизонтальным связям и увеличению случаев вступления в альянсы децентрализованными ПО хорошо согласуется с эволюционной схемой Банкера-Салливана, разработанной для изучения деятельности и особенностей развития наркокартелей и банд. Так, обезглавливание глав PO дает импульс к переходу в сетевые формы и сетевые альянсы, отчасти напоминая ситуацию в Колумбии после ликвидации главаря Медельинского картеля П. Эскобара [63]. Как следствие, мексиканские наркокартели все больше переходят от модели вертикально-интегрированных семейных преступных предприятий к горизонтальным децентрализованным синдикатам. Это соответствует переходу от наркокартелей первого поколения ко второму в схеме Банкера — Салливана. Одним из примеров

этого может послужить *Cártel de Sinaloa*. Есть основания полагать, что Х.Гусман (*El Chapo*) не принимал ключевые стратегических решений и являлся лишь номинальным главой, арест которого мало повлиял на функционирование *Cártel de Sinaloa*. Это связано с тем, что Х.Гусман делегировал решение оперативных задач Исмаэлю Марио Замбада Гарсии (*El Mayo*) и другому главарю наркокартеля — Хуану Хосе Эспаррагоса Морено (*El Azul*) — задолго до своего ареста [64; 65, р. 121]. Из этого следует, что боевики *Cártel de Sinaloa* контролируют ряд территорий и образуют децентрализованную сеть главарей, ведущих незаконную деятельность посредством союзов друг с другом и с местными бандами по всему региону. Эти банды специализируются на определенных услугах, для оказания которых они заключили контракт с преступной сетью *Cártel de Sinaloa*.

Вышеупомянутая связь сетевых ПО способствует их распространению и росту насилия. Так, согласно последним данным [28], ПО существуют в 1488 муниципалитетах Мексики из 2471. Это стимулирует распространение криминальных анклавов, создает предпосылки для возникновения картелей третьего поколения и генерации крайнего насилия в противостоянии с государством, которое начинает отвечать путем наращивания применения сил с опорой на военных (что особенно проявилось при администрации Ф.Кальдерона и следующих президентах). Еще одним фактором роста насилия является внутривластная борьба, а именно контроль над ресурсами для обеспечения безопасности, осуществляемый федеральными властями. Фактически федеральная власть может намеренно ослаблять безопасность в том или ином муниципалитете, сократив выделяемые финансовые средства. Подобное происходит в тех муниципалитетах, которые возглавляются мэрами от оппозиции [50].

При этом нельзя сказать, что действия государства абсолютно безрезультативны. Например, начатая в 2009 г. во время правления Ф. Кальдерона «Операция чистка», проведенная правоохранительными органами, привела к аресту и последующим приговорам к длительным срокам заключения ряда армейских офицеров, являвшихся информаторами наркокартелей, а также бывшего главы антинаркотического ведомства Ноэ Рамиреса, получившего от *Cártel de Sinaloa* взятку в 450 тыс. долл. [34, с. 163]. Однако, если рассматривать ситуацию в целом, то следует заметить, что решение тактических задач во внутривластной борьбе ведет к стратегическому ухудшению обстановки для всей страны. В результате возникает эффект самовоспроизводства взаимного насилия — государства и ПО, — составляющий основу криминального мятежа.

КРИМИНАЛЬНЫЙ МЯТЕЖ — УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ МЕКСИКИ

Через криминальный мятеж осуществляется эрозия суверенитета национальных государств, которые, по формулировке М.Кастельса, доходят до фазы несостоявшегося государства (*failed state*) или сетевого государства (*network-state*) [43]. Некоторые авторы отмечают, что «государства не столько приходят в упадок, терпят крах и уступают (сетевому государству — *К.С.*), сколько изменяют саму свою природу. Сеть — правильная метафора для понимания сложности нового государства» [66]. Согласно

оценке М.Кастельса, криминальные сети обладают мощной способностью к адаптации и быстро распространяются. Эта способность превосходит возможности государств и корпораций. В Мексике наблюдаются признаки подобных процессов, поскольку там ПО формируют высокоорганизованные сетевые структуры, контролирующие значительные территории. Для государства эти факторы столь разрушительны, что в сочетании с отношением между неолиберальным политическим режимом и организованной преступностью они дали основания некоторым исследователям классифицировать Мексику как «наркогосударство» [67], хотя данная концепция небесспорна. Тем не менее, с учетом вышеприведенных фактов и анализа, мы полагаем, что сохранение текущих тенденций, в том числе коррупции и кооптации государственных институтов со стороны ПО, может превратить Мексику в наркогосударство / несостоявшееся государство.

Отметим, что степень несостоятельности (*failure*) государств увязана с уровнем развития ПО, в том числе, когда наркокартели и банды образуют нетрадиционные альянсы [47]. Более того, эволюция ПО и преобразование их в сети приводит к формированию криминальных анклавов на локальном уровне, которые также объединены в сеть и могут, как минимум, иметь влияние среди государств. Учитывая масштаб распространения неконтролируемых территорий в Мексике, в том числе отдельных городов, такая «анклавизация» действительно имеет место. Данный пример демонстрирует наличие форм неклассических войн, в которых ключевыми субъектами, наравне с государством, являются НГНА — наркокартели и банды, их альянсы и сети. Подобная угроза вполне может возникнуть внутри уже сформировавшихся государств, а не только в тех, которые являются таковыми исключительно по названию. Данный феномен представляет угрозу национальной безопасности, фундаментальным интересам государства и общества.

Не вызывает сомнений тот факт, что явление криминального мятежа многогранно, а причин его появления очень много. В данной работе мы выделили две основные причины — фрагментацию и «сетевизацию», которые выводят на новый уровень криминальный мятеж, способный сформировать динамичную среду, где сосуществуют и одновременно противостоят друг другу классическое национальное государство и «сетевое государство», представленное сетью ПО. Особо примечательно, что угроза столь высокого уровня для состоявшегося государства возникла при полном отсутствии внешнего враждебно-деструктивного масштабного воздействия или значимых внутренних предпосылок для сецессии. Более того, чаще всего сепаратистские/террористические группировки, ставящие своей целью выход из состава государства, как правило, действуют локально: курды на юге и юго-востоке Турции, чеченцы в 1990-е годы в России, сепаратизм этногруппировок в Мьянме возле границы с Китаем (Кокан, штат Шан), Ирландская республиканская армия в Ольстере и др. Зоны беззакония в Мексике (как и в ряде других стран Латинской Америки) образуются не в отдельных районах, а почти по всей стране, прежде всего, вследствие борьбы за территории и рынки (например, выращивание наркотиомассы или создание наркотических средств и их прекурсоров), маршрутов поставок нелегального товара (транспортировка наркотиков, оружия, торговля людьми и пр.), а также альянсов ПО, направленных как против конкурен-

тов, так и против государства. Существующие тенденции в Мексике свидетельствуют о том, что в будущем ситуация там может кардинально ухудшиться, если не будут приняты фундаментальные, системные и экстраординарные меры по ее исправлению.

В ходе эволюции структура ПО усложняется, увеличиваются размеры подконтрольных им территорий, расширяется масштаб деятельности преступных сообществ и т.д. Вследствие этого происходит распад ПО, что ведет к их «сетевизации» (самих ПО и к возникновению сетевых альянсов), усилению вражды между ними и росту масштабов насилия. Это вызывает ответную реакцию государства в виде милитаризации правоохранительных органов и устранения лидеров ПО. Кроме того, ухудшение ситуации в Мексике происходит из-за увеличения наркотрафика, а также из-за обострения внутривнутриполитических проблем, в том числе противоборства федеральных и местных властей. Этим наносится еще больший урон государству, его институтам и суверенитету. В результате сетевые ПО становятся субъектами неклассических войн в форме криминального мятежа. Особенность такой формы неклассических войн, отличающая ее от других форм, в которых сетевые группы используются государствами против других государств, состоит в том, что эволюционировавшие описанным выше образом ПО — не просто объекты с сетевой организацией, которых прямо или скрытно используют государства и их спецслужбы для достижения военно-политических целей; ПО становятся сетевыми субъектами неклассической войны, действующими в своих интересах.

Таким образом, специфика эволюции таких НГНА, как наркокартели и банды, а также непреднамеренные ошибочные действия в отношении них со стороны государства ведут к криминальному мятежу — форме неклассической войны, субъектами которой, помимо государства, являются ПО. При этом интегральное разрушительное воздействие на государство и его суверенитет от такого вооруженного конфликта, если принять во внимание количество погибших и возникновение множества зон беззакония, сопоставимо с классическими войнами, в которых основным инструментом достижения военно-политических целей является прямая военная сила. Важно еще и то, что в ходе эволюции ПО, в том числе вследствие их дробления из-за силового противодействия со стороны государства, возникают условия для преобразования ПО в сетевые субъекты неклассической войны внутри отдельно взятого государства даже, если у таких субъектов нет декларируемых политических (а также идеологических или религиозных) целей. Подчеркнем: возникновение подобных субъектов происходит без вмешательства со стороны иностранных государств, что отличает данный случай от других, где субъекты неклассических войн в виде НГНА возникают либо без внешнего участия, но изначально выдвигают политические цели (и могут пользоваться поддержкой иностранных государств), либо создаются и управляются иностранными государствами. Однако в этом случае сетевые НГНА (или протестные группы) являются объектами.

Более того, криминальный мятеж как форма неклассических войн представляет собой угрозу не только отдельно взятому государству, но и сопредельным странам. Так, действия мексиканских наркокартелей распространяются на Гватемалу, где отколовшиеся фракции наркокартеля

Los Zetas создают свои базы, на которых они могут переждать рейды правительственных сил, если у Мехико появляются для этого возможности. Другой пример — взаимодействие наркокартелей с мексиканской мафией *La Eme*, доминирующей в ряде тюрем к северу от Рио-Гранде на территории США. Это создает массу проблем как для властей на уровне штатов и муниципалитетов, так и для федеральной власти по обе стороны границы. Не меньшую угрозу несут и ТПО по типу *MS-13*, чему особенно способствует сетевой характер взаимодействия подобных НГНА между собой при наличии общих целей, но децентрализованной тактики. Пример Мексики показывает, что криминальный мятеж в форме действий сети ПО ведет к формированию «параллельного государства» и двойного суверенитета, что полностью соответствует концепции неклассических войн, в которых как минимум один из акторов делает основную ставку не на использование вооруженных сил, а на неинтервенционные элементы насильственного контроля, в обсуждаемом случае — сетевые группы. Такими группами являются некоторые формы наркокартелей и банд, особенно третьего поколения типа *MS-13*, взаимодействующие с наркокартелями и выступающие в роли транснациональных субподрядчиков или наемников для них. Банды третьего поколения можно считать «сетевыми воинами», а сетевые организационные формы приводят к подъему негосударственных или криминальных солдат.

В заключение отметим, что в Мексике сформировались благоприятные условия для интенсивной эволюции НГНА, являющихся ключевыми субъектами в неклассических войнах в форме криминального мятежа, акселерации которого способствует распад НГНА. Происходящие вследствие этого «сетевизация» наркокартелей и банд и параллельное увеличение масштабов подконтрольных им территорий являются ключевыми признаками, позволяющими идентифицировать криминальный мятеж как форму неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп. Таким образом, можно констатировать, что сущность криминального мятежа более сложна, чем представлялось ранее.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны. *Гражданин. Выборы. Власть*. М., 2019, №4, сс. 157-193. [Strigunov K.S., Manoilo A.V. Fundamental'nyi mekhanizm i zakony neklassicheskoi voiny. *Grazhdanin. Vybery. Vlast'* [Fundamental mechanism and laws of non-classical war]. *Grazhdanin. Vybery. Vlast'*. М., 2019, №4, pp. 157-193 (In Russ.).
2. Наумов А.О. «Бульдозерная революция» в Сербии 2000 года: технологии смены политического режима. *Вестник СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения*. СПб., 2016, №4, сс. 119-135. [Naumov A.O. «Bul'dozernaya revolyutsiya» v Serbii 2000 goda: tekhnologii smeny politicheskogo rezhima [«Bulldozer revolution» in Serbia in 2000: technologies for changing the political regime]. *Vestnik SPBGU. Ser. 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. SPb, 2016, №4, pp. 119-135 (In Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.411
3. Стригунов К.С., Манойло А.В. Переворот в Боливии: внутренние и внешние факторы. *Вестник Томского государственного университета*. Томск, 2021, №466, сс. 131-142. [Strigunov K.S., Manoilo A.V. Perevorot v Bolivii: vnutrennie i vnesnie faktory. [The Coup d'Etat in Bolivia: Internal and External Factors]. *Tomsk Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk, 2021, №466, pp. 131-142 (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/466/16

4. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М., Кучково поле, 2018, 832 с. [Popov I.M., Khamzatov M.M. Voyna budushchego: Kontseptual'nye osnovy i prakticheskie vyvody. Ocherki strategicheskoi mysli [The War of the Future: A Conceptual Framework and Practical Conclusions. Essays on Strategic Thought] 3rd ed., rev. Moscow, Kuchkovo pole, 2018, 832 p. (In Russ.).

5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. под науч. ред. Шкаратана О.И. М., ГУ ВШЭ, 2000, 608 с. [Castells M. Informatsionnaya ehpkoha: ehkonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture] Moscow, GU VSHEH, 2000, 608 p. (In Russ.).

6. Convergence: Illicit networks and national security in the age of globalization. Eds. Miklaucic M., Brewer J. Washington, D.C. National Defense University Press, 2013, 298 p.

7. Bunker R., Sullivan J. Cartel Evolution: Potentials and Consequences. *Transnational Organized Crime*. London, 1998, vol. 4, N2, pp. 55-74.

8. Bunker R., Sullivan J. Cartel evolution revisited: third phase cartel potentials and alternative futures in Mexico. *Small Wars & Insurgencies*. Abingdon, 2010, vol. 21, pp. 30-54. DOI:10.1080/09592310903561379

9. Ochoa M. Del crimen organizado al crimen desordenado: una apuesta por la observación conceptual y contextual. *Desacatos*. México, 2017, N54, pp. 92-105.

10. Sullivan J. Criminal Insurgency: Narcocultura, Social Banditry, and Information Operations. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/criminal-insurgency-narcocultura-social-banditry-and-information-operations> (accessed 14.07.2023).

11. Grillo. I. El narco. En el corazón de la insurgencia criminal mexicana. Madrid, Ediciones Urano, 2012, 478 p.

12. Murillo C. El crimen transnacional organizado como insurgencia no política: la experiencia Centroamérica. *Desafíos*. Bogotá, 2016, vol. 28, N2, pp. 177-211. DOI: 10.12804/desafios28.2.2016.05

13. Bustamante A. Insurgencias criminales y guerra urbana en Latinoamérica: Una aproximación al proceso de urbanización regional y su impacto en la evolución táctica y operativa de las organizaciones criminales trasnacionales. *Entretextos*. León, 2020, vol. 12, N35, pp. 1-17. DOI: 10.59057/iberoleon.20075316.20203556

14. Мартынов Б.Ф. (отв. ред.). Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна. М., Весь Мир, 2017, 272 с. [Martynov B.F.) (red.). Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoi Amerike i stranakh Karibskogo basseina [Modern organized crime in Latin America and the Caribbean]. Moscow, Ves' Mir, 2017, 272 p. (In Russ.).

15. Иванов В. Антинаркотическая дипломатия и геополитика России в Латинской Америке. [Ivanov V. Antinarkoticheskaya diplomatiya i geopolitika Rossii v Latinskoi Amerike [Anti-Drug Diplomacy and Russia's Geopolitics in Latin America]. Available at: http://www.narkotiki.ru/5_81672.htm (accessed: 26.07.2023). (In Russ.).

16. Проблема наркотиков и организованная преступность, незаконные финансовые потоки, коррупция и терроризм. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. [Problema narkotikov i organizovannaya prestupnost', nezakonnye finansovye potoki, korruptsiya i terrorizm. Upravlenie Organizatsii Ob'edinennykh Natsii po narkotikam i prestupnosti. [The drug problem and organized crime, illicit financial flows, corruption and terrorism. United Nations Office on Drugs and Crime]. Available at: https://www.unodc.org/doc/wdr2017/WDR2017_Booklet5_Russian.pdf (accessed: 25.09.2023). (In Russ.).

17. Sullivan J. Future Conflict: Criminal Insurgencies, Gangs and Intelligence. Available at: <https://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/248-sullivan.pdf> (accessed 18.07.2023).

18. Sullivan J. Gangs, Hooligans, and Anarchists – The Vanguard Netwar in the Streets. *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy*. Eds. Arquilla J., Ronfeldt D. Santa Monica, RAND Corporation, 2001, pp. 99-126. (DOI: 10.7249/MR1382)

19. Hawley C. Bold New Cartels Emerging in Mexico. Available at: <http://www.azcentral.com/arizonarepublic/news/articles/2009/08/30/20090830lafamilia.html> (accessed 23.06.2023).

20. Santiago T., Illades C. La guerra irregular en Guerrero, 2007-2017. *Relaciones. Estudios de historia y sociedad*. Zamora de Hidalgo, 2019, vol. 40, N157, pp. 249-275. DOI: 10.24901/rehs.v40i157.363

21. Стригунов К.С., Манойло А.В., Петренко А.И. Наркокартели и криминальные сети. Рассвет темной глобализации. Москва, Горячая линия-Телеком, 2022, 304 с. [Strigunov K.S., Manoilo A.V., Petrenko A.I. Narkokarteli i kriminal'nye seti. Rassvet temnoi globalizatsii. [Drug

Cartels and Criminal Networks. The Dawn of the Dark Globalization]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom, 2022, 304 p. (In Russ.).

22. Phillips T. Mexico: 40% of country is paralyzed by violence, says new chief of staff. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/10/mexico-amlo-gangs-violence-land-paralyzed> (accessed 01.08.2023).

23. Carillo J. México en Riesgo: Una vision personal sobre un Estado a la defensiva. Mexico City, Grijalbo, 2011, 255 p.

24. Daugherty A. 75% of Mexico Municipalities Susceptible to Organized Crime: Official. Available at: <https://insightcrime.org/news/brief/75-of-mexico-municipalities-susceptible-to-organized-crime-official/> (accessed 03.07.2023).

25. Seguridad Noticias. Gobierno de México. Available at: <https://seguridad.sspc.gob.mx/documentos/?page=2&page=4&page=7&page=10&page=13&page=12&page=1> (accessed 23.07.2023).

26. AMLO confirma hackeo contra Sedena; son datos de dominio público, señala. Gobierno de la ciudad de México. Available at: <https://www.capital21.cdmx.gob.mx/noticias/?p=33439> (accessed 18.07.2023).

27. Index of / sedena. Enlace Hacktivista. Available at: <https://enlacehacktivista.org/sedena/> (accessed 23.07.2023).

28. Presencia del Crimen Organizado en México. AC Consultores. Available at: <https://app.powerbi.com/view?pageName=ReportSectionda2ba39cb8a217797a3f&r=eyJrIjojNGQxOTU2ZGYtN2JkYi00MzU3LThmZWVtODVmNDJlMDVlZGZjIiwidCI6IjM2YWVlODUyLTkVkdZDAtNDVlNC1iOWRhLWVwY2NkZDRmNTc2MCIsmi0jR9> (accessed 21.06.2023).

29. Incidencia delictiva. Secretariado Ejecutivo del Sistema Nacional de Seguridad Pública. Available at: <https://www.gob.mx/sesns/acciones-y-programas/incidencia-delictiva-299891?state=published> (accessed 20.07.2023).

30. Calderon G., Diaz-Ceyros A., Magaloni B. et al. The beheading of criminal organizations and the dynamics of violence in Mexico. *Journal of Conflict Resolution*. Newbury Park, 2015, vol. 59, N8, pp. 1455-1485. DOI: 10.1177/0022002715587053

31. Mexico Peace Index 2020: Identifying and measuring the factors that drive peace. Available at: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2020/08/ENG-MPI-2020-web.pdf> (accessed 18.07.2023).

32. Визгунова Ю.И., Дабагян Э.С. Роль мексиканского гражданского общества в урегулировании конфликтов. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. Коллективная монография. Отв. ред. Ивановский З.В. Москва, ИЛА РАН, 2017, 452 с. [Vizgunova Ju.I., Dabagian Je.S., Editor Ivanovskii Z.V. Rol' meksikanskogo grazhdanskogo obshchestva v uregulirovaniy konfliktov. Politicheskie konflikty v Latinskoi Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye vozmozhnosti. Kollektivnaya monografiya. [Political conflicts in Latin America: stability challenges and new opportunities. The role of Mexican civil society in conflict resolution]. Moscow, ILA RAN, 2017, 452 p. (In Russ.).

33. Vázquez J. RTC, más que crimen organizado, cárteles o narcotráfico. *Secuencia: revista de historia y ciencias sociales*. México, 2021, no. 111, e1799. DOI: 10.18234/secuencia.v0i111.1799

34. Давыдов В.М. (отв. ред.). Мексика: парадоксы модернизации. М., ИЛА РАН, 2013, 330 с. [Davydov V.M. (ed.). Meksika: paradoksy modernizatsii. [Mexico: Paradoxes of Modernization]. Moscow, ILA RAN, 2013, 330 p. (In Russ.).

35. Mexico. Uppsala Conflict Data Program. Available at: <https://ucdp.uu.se/country/70> (accessed 22.07.2023).

36. El crimen hecho pedazos: los efectos de la «guerra contra las drogas» en México, explicados. International Crisis Group. Available at: <https://www.crisisgroup.org/es/content/el-crimen-hecho-pedazos-los-efectos-de-la-“guerra-contra-las-drogas”-en-méxico-explicados> (accessed 22.07.2023).

37. Guererro-Gutiérrez E. Security, Drugs, and Violence in Mexico: A Survey, 7th North American Forum. Washington, 2011, 146 p.

38. Velasco O. Unintended consequences of state action: how the kingpin strategy transformed the structure of violence in Mexico's organized crime. *Trends in Organized Crime*. 2023. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12117-023-09498-x#:~:text=These%20results%20show%20that%20the,lethal%20violence%20throughout%20the%20country> (accessed 22.07.2023). DOI: 10.1007/s12117-023-09498-x

39. Pérez I. El crimen organizado y la fragilidad institucional como condicionantes del desarrollo: el Estado mexicano asediado por el narcotráfico y sus impactos desestructurantes en el

tejido social. *Revista Facultad De Ciencias Económicas*. Bogotá, 2020, vol. 28, N1, pp. 145-181. DOI: 10.18359/rfce.3564

40. Resendiz J. Murders down in Mexico, but violence still at near-record levels. Available at: <https://www.borderreport.com/immigration/border-crime/murders-down-in-mexico-but-violence-still-at-near-record-levels/> (accessed 15.07.2023).

41. Informe de Incidencia Delictiva Fuero Común. Secretaría de Seguridad y Protección Ciudadana. Available at: https://drive.google.com/file/d/1g2HCuXR8vODsUsnUSwWyE_Kc8lm5yme/view (accessed: 04.07.2023).

42. Versión estenográfica de la conferencia de prensa matutina. Presidencia de la República. Available at: <https://www.gob.mx/presidencia/articulos/version-estenografica-de-la-conferencia-de-prensa-matutina-miercoles-3-de-junio-de-2020?idiom=es> (accessed 24.09.2023).

43. Bruneau T. Pandillas and Security in Central America. *Latin American Research Review*. Florida, 2014, vol. 49, N2, pp. 152-172. DOI:10.1353/lar.2014.0022

44. Rosen F., Bagley B. (eds.). Drug trafficking, organized crime, and violence in the Americas today. Gainesville, University Press of Florida, 2015, 472 p.

45. Merida Initiative. U.S. Department of State. Available at: <https://2009-2017.state.gov/j/inl/merida/> (accessed 26.01.2023).

46. Status of Funds for the Mérida Initiative. United States Government Accountability Office. Available at: <http://www.gao.gov/new.items/d10253r.pdf> (accessed 21.06.2023).

47. Mexico: Evolution of the Mérida Initiative, FY2008-FY2022. Congressional Research Service. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10578/22> (accessed 19.07.2023).

48. Elkus A., Sullivan J. Los Zetas and MS-13: Nontraditional Alliances. Available at: <https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2012/06/CTCSentinel-Vol5Iss65.pdf> (accessed 05.07.2023).

49. Buch J. Cartels Cooperate with Prison Gangs. Available at: <https://www.chron.com/news/houston-texas/article/Cartels-cooperate-with-prison-gangs-2436265.php> (accessed 08.07.2023).

50. Erubiel T., Canjura N. La Seguridad en la 4T, 2018-2022. Resultados de la ausencia de estrategia. *Análisis Plural*. Guadalajara, 2022, N1, pp. 1-16. (DOI: 10.31391/ap.vil.12)

51. Serrano M. La estrategia de seguridad de amlo. ¿De la pacificación a la militarización? *Revista IUS*. Puebla, 2019, vol. 13, N 44, pp. 207-228.

52. Mexico's Forgotten Mayors: The Role of Local Government in Fighting Crime. International Crisis Group. Available at: <https://www.crisisgroup.org/latin-america-caribbean/mexico/99-mexicos-forgotten-mayors-role-local-government-fighting-crime> (accessed 29.06.2023).

53. La crisis de seguridad y violencia en México. Causas, efectos y dimensiones del problema. Ed. Flores Pérez C.A. México. Centro de Investigaciones y Estudios Superiores en Antropología Social, 2018, 354 p.

54. Mexico: Organized Crime and Drug Trafficking Organizations. Congressional Research Service. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/R41576.pdf> (accessed 03.07.2023).

55. Dávila S. Atuesta L. Fragmentación y cooperación: la evolución del crimen organizado en México. Available at: https://politicadedrogas.org/documentos/20170113094601_18_fragmentacion_y_cooperacionfinal.pdf (accessed 11.07.2023).

56. Alvarado A. Crimen organizado en una ciudad de América Latina: la Ciudad de México. *Urvio. Revista Latinoamericana De Estudios De Seguridad*. Quito, 2016, N19, pp. 129-145. DOI: 10.17141/urvio.19.2016.2407

57. Vázquez B. Las luchas contra insurgencia-terrorismo-criminalidad: amenazas irregulares en el siglo XXI. *Estudios de la Seguridad Ciudadana*. Santa Catarina, 2021, vol. 4, N 4, pp. 83-86.

58. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов. *Мировая политика*. М., 2015, № 1, сс. 1-19. [Manoilo A.V. Tsvetnye revolyutsii i tekhnologii demontazha politicheskikh rezhimov. [Color revolutions and technologies for the dismantling of political regimes]. *Mirovaya politika*. Moscow, 2015, N1, pp.1-19. (In Russ.). DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12614

59. Basra R., Neumann P., Brunner C. Criminal Pasts, Terrorist Futures: European Jihadists and the New Crime-Terror Nexus. Available at: <https://icsr.info/wp-content/uploads/2016/10/ICSR-Report-Criminal-Pasts-Terrorist-Futures-European-Jihadists-and-the-New-Crime-Terror-Nexus.pdf> (accessed 03.07.2023).

60. Карпович О.Г., Манойло А.В. Цветные революции: Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М., Юнити-Дана: Закон и право, 2015, 111 с. [Karpovich O.G., Manoilo A.V. Teoriya i praktika demontazha sovremennykh politicheskikh rezhimov.

[Color revolutions: Theory and practice of dismantling modern political regimes]. Moscow, Yuniti-Dana: Zakon i pravo, 2015, 111 p. (In Russ.).

61. Garay-Salamanca L. Narcotráfico, corrupción y estados : cómo las redes ilícitas han reconfigurado las instituciones en Colombia, Guatemala y México. México, D. F., México, Random House Mondadori, 2012, 335 p.

62. Garay-Salamanca L., Salcedo-Albaran E. Drug Trafficking, Corruption and State prepublication draft. Bloomington: iUniverse; Illustrated edition, 2015, 372 p.

63. Kenney M. The Architecture of Drug Trafficking: Network Forms of Organisation in the Colombian Cocaine Trade. *Global Crime*. Abingdon, 2007, vol. 8, N3, pp. 233-259. DOI: 10.1080/17440570701507794

64. Revelan Estructura y Enemigos de «El Chapo». *Excelsior*. Available at: <https://www.excelsior.com.mx/nacional/2014/03/26/950632> (accessed 27.01.2023).

65. Bailey J. The Politics of Crime in Mexico: Democratic Governance in a Security Trap. Boulder: FirstForumPress, 2014, 225 p.

66. Elkus A., Sullivan J. Security in the Network-State. Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/state-change-sovereignty-and-global-security/> (accessed 08.07.2023).

67. Solís J. Neoliberalismo y crimen organizado en México: El surgimiento del Estado narco. *Frontera norte*. Tijuana, 2013, vol. 25, N50, pp. 7-34.

Konstantin S.Strigunov (sks6891@gmail.com)

Candidate of Political Sciences, Leading Analyst, Association of Information Warfare Specialists

Zelenograd, building 1425, apt. 109, 124617 Moscow, Russian Federation

Criminal organizations as subjects of non-classical wars and a threat to the state sovereignty of Mexico

Abstract. Military-political aims in non-classical wars are achieved without the use of armed forces or with their limited use. Criminal insurgencies are a form of non-classical wars in which criminal organizations are the main subjects on a par with states. The situation in Mexico is an example of a criminal insurgency. The fragmentation and networkization of criminal organizations contributes to their evolution which poses a threat to the national security of Mexico.

Key words: criminal, non-classical wars, criminal insurgency, Mexico, drug cartels, gangs.

DOI: 10.31857/S0044748X24020025

Received 20.07.2023.